

ОБРАЗ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В РУССКОЙ ПРЕССЕ ВРЕМЁН НИКОЛАЯ I

Илья Старцев
Архангельск, Россия

В статье проводится исследование понятия «Восточная Европа» в русской прессе времен Николая I. Анализируются изменения образа Восточной Европы на протяжении первой половины XIX века. Сделан общий вывод о том, что образ Восточной Европы как «Европы славян» в России сформировался к 1850-м годам.

***Ключевые слова:* Погодин; журналистика; Восточная Европа; Россия; славяне**

Представление о Восточной Европе, как об отдельном регионе, переходном между Европой и Азией, является очень важным в мировой истории идей, и во многом определяет политические взаимоотношения (как внешние, так и внутренние) в регионе. Со времён работы Л.Вульфа «Изобретая Восточную Европу» то, как формировался образ Восточной Европы у представителей Европы Западной находится в центре внимания исследователей. Мы же попытаемся показать, как формировался образ Восточной

Европы в России – то есть в стране, непосредственно являющейся одним из центров региона. Предметом исследования выступили толстые журналы – журналы, которые являлись основным источником информации о текущих событиях в мире для той эпохи. Поэтому место Восточной Европы в журналах, и то, какой образ они формировали, очень важно.

Начать стоит с формально-географического определения границ Восточной Европы. В 1832 году в 5 номере «Военного журнала» выходит статья, посвящённая вооружённым силам стран Европы [1:1832, №5, С.146–148]. Нам она интересна потому, что в ней армии Европы разбиты по регионам – Западная, Южная, Северная и Восточная Европа соответственно. Разделение там следующее:

- Западная Европа включает в себя Францию, Швейцарию, Австрийскую империю, Пруссию, остальные государства Германского союза, Бельгию и Нидерланды.
- Южная Европа включает в себя итальянские государства (кроме управляемой Австрией Ломбардо-Венеции), Испанию, Португалию и Андорру.
- Северная Европа включает в себя Великобританию, Данию и Шведско-норвежскую монархию.

И, наконец, Восточная Европа – это Россия, Краков, Османская империя, Сербия, Валахия, Молдавия и Ионическая республика.

Насколько можно судить, такая схема деления Европы на 4 региона в целом сохранялась и позднее. Так, когда «Современник» в конце 1840-х публикует карту железных дорог в Европе – регион Западной Европы очерчивается по тем же линиям – от Бискайского залива до Карпат и от Северной Италии до Дании.

Таким образом, мы видим расхождение официальной географической локации России как Европы Восточной, с локацией «по ощущениям» - когда, на протяжении всей первой половины XIX столетия по отношению к России употреблялся термин «Север». Л.Вульф [10] предложил интересную концепцию, связывающую «северность» России с тем, что стандартный маршрут въезда в страну проходил через Санкт-Петербург или Ригу – морем, с заходом в порты Швеции и Дании (этот маршрут был наиболее популярным в течение всей первой половины столетия, до завершения в 1862 году Варшавской железной дороги, связавшей Россию с Европой напрямую – через Восток). Однако с нашей точки зрения определение России как «Северной» страны – в общем, носило характер скорее поэтического определения, чем географической локализации. Восприятие России как «севера» со стороны русских было более реакцией на климатические условия, нежели на географическое расположение. Подобная характеристика не была уникальной для России. Югом Европы было Средиземноморье, и по сравнению с ним многие страны претендовали на роль «Севера». Так, в 1827 году Стендаль, публикуя свои «Прогулки по Риму», использует термин «север» применительно к Парижу, противопоставляя столицу Франции «южной» Италии [7: с. 142]. Подобное же поэтическое противопоставление – но уже внутри одной страны, мы видим у Пушкина, пишущего «но вреден Север для меня», находясь в ссылке в Причерноморье. Так же стоит отметить, что реальная «Северная Европа» в лице скандинавских стран была русским журналистам, в целом, неинтересна – материалов и новостей из Дании и Швеции в 1820–1830-х печатается крайне мало, и только в 1840-е заметен некоторый всплеск интереса в связи со скандинавской литературой, в частности, творчеством Г.Х.Андерсена. Но даже тогда Скандинавия представлялась регионом сравнительно малоизвестным (неслучайно на него обратил внимание журнал «Современник», ставивший себе миссией именно открывать новые, неизведанные доселе произведения).

Восточная Европа в географическом смысле включала в себя Российскую империю, Польшу и балканские княжества. Сербия, Греция и Румыния появляются на страницах русской прессы изредка (преимущественно во время обострения отношений с Турцией, и соответственно, повышения интереса к Востоку). Польша, до восстания 1830–1831 годов была в фокусе внимания русской прессы, развитие польской культуры и

польской государственности (несмотря на все разделы – воспринимавшуюся до 1830 года скорее, как что-то единое, включающее в себя Царство Польское, Познань и Галицию) [2] интересовало русских издателей, в Петербурге даже выходил польскоязычный журнал, являвшийся источником информации уже для русской прессы. После восстания интерес к Польше падает, ограничиваясь публикацией отдельных заметок о наиболее важных событиях. В случае с Россией как частью Восточной Европы важно также отметить вспыхнувший в 1840-е годы интерес к украинской (использовались термины «украинская», «малороссийская» и «югороссийская», но примерно с одним и тем же значением) культуре и литературе – связанный с расцветом украинского романтизма и бурлеска в те годы (проводником интереса опять-таки выступал «Современник»). «Малороссия» тогда воспринималась как нечто, хоть и входящее в состав России, но во многом иное по культуре – в отличие от «Белоруссии», которая считалась более близкой великороссам [9].

Сложно говорить о том, что было общего было у народов Восточной Европы с точки зрения русской прессы. Мы видим некую аморфность в восприятии региона. О событиях в России, Польше или Сербии писалось в разнообразном ключе. Единственный объединяющий признак, который можно выделить – это то, что все народы относились к «молодым» - своеобразной полупериферии европейского мира². Идея того, что народ переживает ряд возрастов, сопоставимых с возрастными этапами человека, и соответственно своему возрасту изменяется, была общей для исторических воззрений эпохи романтизма. «Молодыми» были народы, которые еще только выходят на историческую арену и активно развиваются. Россия в первой половине XIX столетия воспринималась типичным представителем «молодой нации». Такой взгляд на историю России хорошо показан М. Погодиным в программной статье «Петр Великий» [3: 1841, №1 С. 11–76] в первом номере журнала «Москвитянин». С точки зрения М. Погодина, Россия одновременно имеет древнюю историю, и является «молодой» страной, поскольку «просвещение» и «образованность» в России идет от Петра Великого. Именно с этого времени Россия становится «частью Европы, частью европейской цивилизации», открывая себе путь в мировую историю. Со времён Николая I Россия получает свой особый национальный характер, оставаясь при этом частью «просвещённого мира». Подобным же образом воспринималось развитие Польши. В частности, «Литературная газета» отмечала поворот поляков к национальной культуре в конце 1820-х годов. Балканские страны в целом характеризовались как стоящие на более низкой стадии культуры (так, власть Обреновичей в Сербии характеризовалась как «тираническая» [6], что более характерно для описания стран Востока [12]). Однако в целом подборка новостей из балканских стран в русских журналах говорит о том, что они представлялись, как развивающиеся, и тоже идущие по пути Просвещения – пусть и отставая от России и Польши.

Восприятие Восточной Европы как «Европы славян» было достаточно поздним событием. Западные славяне долгое время были вне зоны внимания как Западной Европы, так и России. Погодин в 1841 году писал, что «европейцы ничего не знают о славянах – этих 80 из 240 миллионов населения Европы». Ситуация в России была немногим лучше. Известный петербургский славист И. Срезневский в 1848 году в своей статье в журнале «Современник» [4: 1846, №42, С. 313–328] писал, что «русские не знали западных славян до 1812 года и Заграничных походов», когда война их столкнула со славянами, воевавшими в армии Наполеона³, а позже – со славянами, живущими во

---

² Подробнее о системе «кругов просвещения» в дискурсе русской прессы см мою работу: Старцев И.М. «Просвещенные» и «непросвещенные» народы в русской прессе времен Николая I // *Arg Historica: Сборник научных статей.* – Выпуск 9. – Архангельск : «Кира», 2017 – С.100–107

³ Помимо славян в австрийском корпусе Шварценберга, и польского корпуса Понятовского, в составе армии Наполеона были хорватские части из «Иллирийских провинций» империи, участвовавшие в Бородинском сражении.

владениях Габсбургов. Но даже после этого - в России этого эпизода, как и самих славян, «не заметили».

Ситуация изменилась в 1840-е годы, когда параллельно и в России, и у западных славян идёт рост интереса к национальным корням (в России – и в форме славянофильства, и в почвеннических обоснованиях идеологии николаевского царствования, у славян Австрийской империи – тогда же начинается «славянское возрождение»). То, насколько «славянское пробуждение» заметила российская пресса – вопрос без однозначного ответа. С одной стороны, были среди издателей те, кто внимательно относился к происходящему у соседей. Примером может стать издатель «Москвитянина» Погодин, активно контактировавший со славянскими просветителями, в частности, с известным чешским историком Шафариком [8], и принимавший участие в панславистском движении. Для него «возрождение австрийских славян» был крупнейшим культурным явлением современности [3: 1841, №2 с. 475]. Определённое внимание к происходящему у славян проявляли «Современник» и (ранее) «Телескоп». Однако общее количество публикаций на тему происходившего у австрийских славян, было небольшим. Российская пресса традиционно фокусировалась на событиях во французской культуре, в меньшей степени – на английской, немецкой и итальянской. А о событиях у австрийских славян писали так же мало, как и о событиях в Австрии в целом. Говоря о восприятии событий у западных славян, Срезневский отмечал, что в России «литераторы немногие сочувствуют литературным воззрениям западных славян, нелитераторы же едва ли знают что-нибудь о том, что делается у славян на Западе», и что русские и польские журналисты «должны помогать славянам», но в итоге «заняты только тем, на что указывает мода». Славяне массово вышли на историческую сцену во время революций в Австрии в 1848-1849 годах, когда большинство славян поддержало Габсбургов против Венгерской республики. Это событие окончательно определило отношение к австрийским славянам как ко «своим» - не только в этническом, но и в политическом смысле. «Консервативные от природы» славяне Восточной Европы стали восприниматься как некий противовес «радикалам» из Западной Европы – прежде всего, французам. [1; 5]

Таким образом, образ Восточной Европы в современном смысле возникает в России позже, чем в Западной Европе, и возникновение его вызвано другими причинами. Прежде всего, открытие Восточной Европы для России связано с переоткрытием себя – как славянской цивилизации, во многом развивающейся по другому пути, нежели цивилизация Запада. «Открытие Восточной Европы» в России происходит тогда, когда концепция единого исторического процесса, связанного с развитием Просвещения, перестаёт удовлетворять русской общественной мысли, когда возникает славянофильское течение. Одновременно запрос на «славянскую особенность» был и сверху – восприятие славян как от природы консервативных, монархически настроенных народов удовлетворяло идеологическим запросам официальной народности. Поэтому концепция «Восточной Европы» в русском дискурсе XIX века почти сразу получает охранительный характер, противопоставляя Россию Западной Европе, и, следовательно, либерально-капиталистическому пути развития.

1. Военный журнал.
2. Литературная газета.
3. Москвитянин.
4. Современник
5. Сын отечества.
6. Телескоп.
7. Стендаль Прогулки по Риму/Стендаль / пер. с фр. В.Ревизова. – СПб. : Б.С.Г. -Пресс, 2011.
8. Барсуков, Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. – т.2. – СПб. : типография М.М. Стасюлевича, 1889.
9. Вишленкова, Е. Визуальное народоведение империи, или «увидеть русского дано не каждому». – М. : Новое литературное обозрение, 2011.

10. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу. Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения/Л.Вульф / пер. с англ. И.Федюкина. – М. : Новое литературное обозрение, 2003.
11. Маклюэн, М. Галактика Гуттенберга. Становление человека читающего / М.Маклюэн /пер. с англ. И.Тюриной. – М. : Академический проект, 2005.
12. Таки, В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян: монография. – М. : Новое литературное обозрение, 2017.